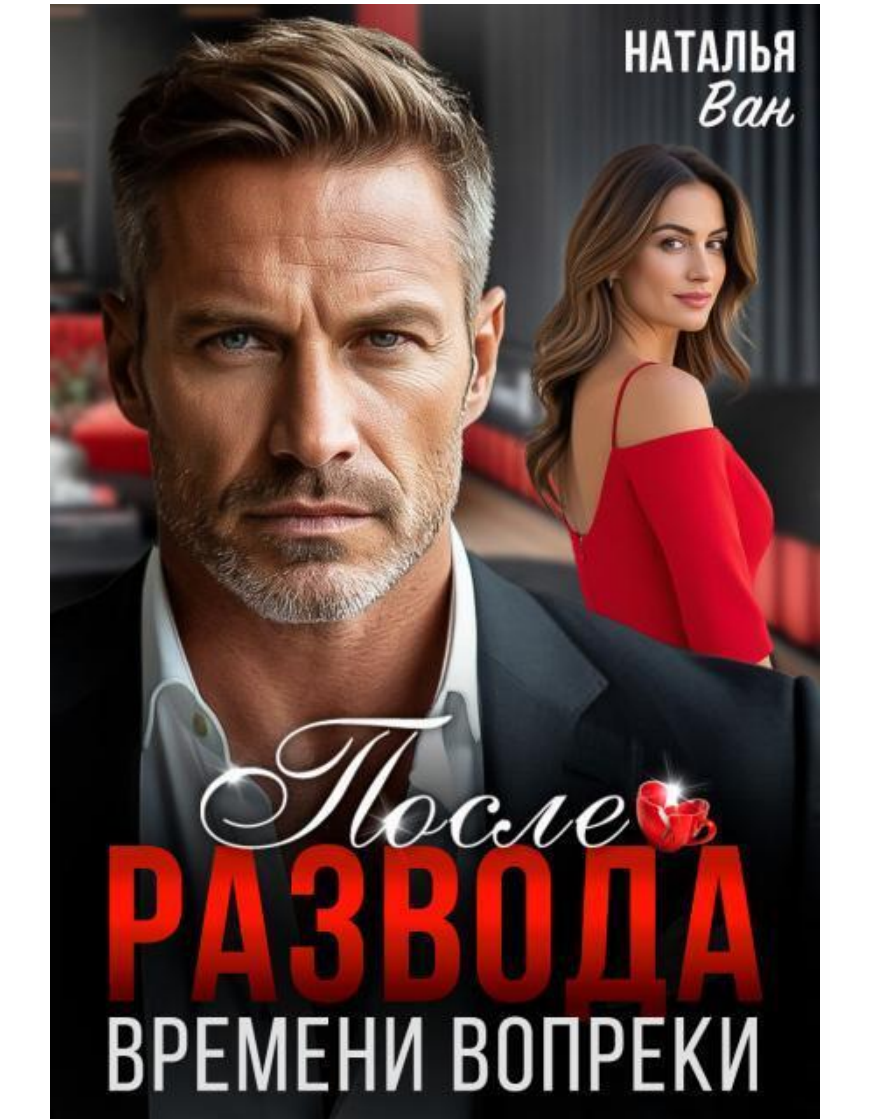

НАТАЛЬЯ
Ван

После
РАЗВОДА
ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

Наталья Ван

После развода.

Времени вопреки

<https://litres.ru/74207279>

Аннотация

— Кто она? — мой голос надламывается. — Алиса, хватит. У меня никого нет, — муж отводит взгляд в сторону. Признак лжи, который я уже выучила. — И поэтому ты решил сообщить мне о разводе по смс, да еще и в такой день?

Семь лет брака оказались мелочью, о которой можно сообщить в сообщении. Я думала, хуже быть не может. Пока не узнала, что "никого" на самом деле зовут Оля. И это моя лучшая подруга, которая сегодня выходит замуж.

Книга участвует в литмобе Разводу_вопреки:

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Визуализация героев	19
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 5.1	29
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	47
Глава 10	50
Глава 11	55
Глава 12	61
Глава 13	67
Глава 14	71
Глава 15	75
Глава 16	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Глава 1

Алиса

Наше такси подъезжает к аллее роскошного ресторана, и мое сердце совершает неоправданно резкий скачок. Я инстинктивно сжимаю руку Марка, и тут же чувствую, как мои ладони становятся влажными.

— Боже, я вся дрожу, — вырывается у меня шепотом. — Словно это моя собственная свадьба.

Марк не отвечает. Не отводит руку. Она продолжает лежать в моей, как мешок с песком. Такая же тяжелая и безжизненная. Он смотрит в запотевшее окно, словно за ним разворачивается самый захватывающий сериал, а не промокший от дождя асфальт.

— Марк, ты меня вообще слышишь? — осторожно спрашиваю я, отпуская его руку.

— Слышу, — его голос плоский, без интонаций.

— Тогда, может, скажешь, как тебе мое платье? Нравится? — пытаюсь перевести тему и растопить внезапно образовавшийся между нами лед.

Он бросает на меня короткий, беглый взгляд.

— Да, Алиса. Очень красиво.

Ладно. Сама виновата. Нечего напрашиваться на комплименты, когда муж не в настроении.

— Знаешь, Оля говорила, что будет много гостей, но это

же просто...

— Алиса, да хватит тебе уже, — нервно отвечает он, а сам все так же смотрит в окно. — Не нужно комментировать каждую мелочь. Просто посиди молча, пока такси не подвезет нас к входу.

От его слов в груди что-то кольнуло, словно от легкого укола.

— Хорошо, — сдаюсь я. — Просто... мне казалось, мы едем на праздник. А между нами атмосфера, как на похоронах.

Он резко поворачивается ко мне, и в его глазах я впервые за сегодня вижу искру, но это не тепло. Это раздражение, ставшее мне таким знакомым в последнее время.

— Ты же знаешь, как я не люблю все эти сборища с шумной музыкой и воплями “горько”.

— Я говорила, что ты можешь не ехать, — не выдерживаю я. — Оля моя лучшая подруга. Я не могла не пойти. Но ты мог бы остаться дома, раз тебе не нравится подобное.

Таксист впереди нервно кашляет. Марк на секунду закрывает глаза, делая глубокий вдох, и я вижу, как он пытается взять себя в руки.

— Хорошо. Твоя взяла. Просто... давай не будем сейчас. Ладно?

Машина останавливается у входа. Он выходит, не глядя на меня, не предлагая руку. Я вылезаю сама, поправляя полы платья, чувствуя себя униженной и одинокой в самой гуще

смеющейся толпы.

Мы входим в зал и тут же находим Олю. Она сияет в облаке белого шифона, жемчуга и кружев. Но ее глаза...они не горят.

— Наконец-то! — она тянется к нам с широкой, слишком яркой улыбкой. — Я уже начала волноваться!

— Пробки, — бросает Марк вместо приветствия.

Ее новоиспеченный муж, Артем, напротив, сияет так искренне, что почти больно смотреть.

— Марк! Рад, что вы доехали! Честно признаться, я думал, что ты не приедешь и отправишь свою жену одну, — он хлопает Марка по плечу.

— Как бы я это допустил. Она же моя жена, — слишком сухо бросает он, приобнимая меня за талию, но при этом его взгляд мельком скользит по Оле.

— Ты прав. Твою жену нельзя отпускать без присмотра. А то мало ли, — подмигивает Артем, но Марк никак не реагирует. Да что ж с ним сегодня такое?

— Ты лучше за своей женой приглядывай, — как-то резко бросает Марк через пару секунд раздумий. — Поздравляю, кстати.

Я не выдерживаю и тихо шиплю ему на ухо:

— Марк, ну хотя бы сейчас, не будь таким. Ты же сам захотел поехать.

Он наклоняется ко мне, и его шепот обжигает.

— Я согласился, чтобы ты отстала от меня с этими разго-

ворами. Но, видимо, зря.

Я не успеваю больше ничего ответить, как к нам подбегают подружки невесты. Они смеются, светятся от счастья.

— Алиса, ты выглядишь просто потрясающе! Марк, тебе так не кажется?

— Она явно затмит нас своей красотой!

— Главное, чтобы не затмила меня, — смеется Оля.

Марк пользуется моментом и молча растворяется в шумной толпе гостей.

— Алис, что с ним? — шепчет наша общая подруга Ленка. — Он выглядит так, будто его притащили сюда силой.

Я делаю небольшой глоток шампанского, чтобы скрыть дрожь в руках и замечаю, как Оля уходит вслед за Марком.

— Не знаю. Он со вчерашнего дня не в духе. Наверное, злится, что я согласилась прийти.

— В смысле? Оля твоя подруга, как ты могла отказаться? — округляя глаза, шепчет Лена.

— Я пыталась ему это объяснить, но он какой-то непробиваемый. Заладил, что мне не надо было идти на ее свадьбу и все тут.

— М-да уж. Может, на работе устал? У него же там адский аврал, наверное.

— Не знаю, — повторяю я, чувствуя, как тревога сжимает горло. — Надеюсь, сейчас немного выпьет, расслабится и отойдет.

Но к середине торжества он не отходит. Наоборот. Он ста-

новится лишь мрачнее.

Я осторожно, касаюсь его руки под столом. Он сначала вздрагивает, а затем его пальцы разжимаются, и он убирает руку, чтобы поправить салфетку. На секунду его уголки губ растягиваются в подобие улыбки, и эта фальшь режет меня больше, чем прямая грубость.

Оля в своем пышном платье приглашает меня на сцену, берет микрофон. На негнущихся ногах я выхожу к ней.

— Дорогие гости, я хочу сказать спасибо своей самой лучшей подруге Алисе! — ее голос звенит в наступившей тишине. — Если бы не она, не ее поддержка и ее вера в любовь... я бы никогда не поверила, что смогу обрести свое счастье! Спасибо тебе!

Зал аплодирует. Я чувствую, как заливаюсь румянцем и, улыбаясь, поднимаю взгляд, чтобы встретиться глазами с Марком. Поделиться этим счастливым, немного смущенным моментом, но вместо этого я вижу, как его лицо искажается. Не болью, не грустью, а каким-то странным раздражением. В его глазах такая ненависть и отчаяние, что у меня перехватывает дыхание.

Он срывается с места, отодвигая стул с таким оглушительным скрежетом, что музыка замолкает на полтакта, и несколько десятков гостей с удивлением оборачиваются. Он не смотрит ни на кого, он просто идет, рассекая толпу, и выходит из зала.

От его реакции у меня в груди все сжимается в тугую, хо-

лодный комок.

— Оль, прости, я пойду найду его. Что-то он... совсем не в духе.

— Конечно, иди. Я уверена, что все будет хорошо, — в ее глазах я читаю не осуждение, а жалость, от которой становится еще горче.

Мой внутренний компромисс, моя отчаянная попытка все исправить, срабатывает на автомате. Я иду к фуршету. Беру маленькую фарфоровую тарелку. Она холодная, и этот холод проникает в пальцы, притупляя панику.

Я знаю его вкусы. Всегда знала. Аккуратно кладу на тарелку его любимые закуски: маринованные оливки с лимоном, крутоны с трюфельным паштетом, кусочек созревшего пармезана. Он никогда не сможет устоять перед этим. Это наш маленький ритуал примирения. Я знаю к нему подход. Всегда знала.

В моей сумочке тихо вибрирует телефон. Облегчение волной накатывает на меня. Ну конечно. Наверное, остыл, хочет сказать, где он, и извиниться за свою выходку.

С тарелкой в одной руке я достаю телефон. Свадебный торт, шарики, счастливые лица... и имя “Марк” на всплывающем уведомлении.

Я смахиваю экран, и с глупой, готовой к примирению улыбкой читаю:

“Алиса, прости. Но я так больше не могу. Я хочу развестись”.

Глава 2

Алиса

Тарелка выскальзывает из онемевших пальцев и разбивается о паркет с оглушительным звоном, разнося осколки фарфора и его любимые закуски по полу. Но я уже ничего не слышу.

— Алиса? Ты в порядке? — кто-то касается моего плеча. Голос доносится будто из-под воды. Я отшатываюсь, не глядя на того, кто ко мне прикоснулся. Телефон все еще зажат в руке так сильно, что корпус вот-вот треснет.

— Все хорошо, — слышу я свой собственный, но такой чужой голос. — Просто... рука дрогнула.

Я не помню, как выхожу из зала. Ноги несут меня сами, мимо удивленных официантов, мимо влюбленных парочек. Я прохожу в дамскую комнату. Она пуста. Благоухает орхидеями и дорогими духами. Я захожу в одну из кабинок, щелкаю замком и прислоняюсь лбом к прохладной двери.

“Алиса, прости. Но я больше так не могу. Я хочу развестьсь”.

Всего три предложения. Они горят на экране, такие простые и такие окончательные. Я перечитываю их снова и снова, пока буквы не начинают расплываться. Мое дыхание сбивается, в глазах темнеет. Я судорожно глотаю воздух, пытаюсь не разреветься.

Марк не злился на свадьбу. Он злился на меня. На нашу жизнь. На наш брак.

Я выхожу из кабинки, подхожу к зеркалу. Женщина, смотрящая на меня оттуда, бледная. Глаза огромные, испуганные. Я включаю кран и плещу себе в лицо ледяной водой. Капли стекают по шее, словно слезы, которые я еще не позволила себе пролить.

Что теперь? Вернуться в зал? Улыбаться? Обнимать Олю и говорить, что с Марком все в порядке? Что мы помирились и теперь он будет собой?

Нет. Я не могу.

Я достаю телефон. Мне нужны ответы. Хоть какая-то ясность. Мои пальцы дрожат, я едва попадаю по клавишам, пока набираю ему сообщение.

“Где ты?”

Отправляю. Сообщение уходит, и я замираю в ожидании. Секунда. Пять. Десять. Никаких троеточий, никакого ответа. Он сказал все, что хотел.

Я выхожу из дамской комнаты и иду не в зал, а к выходу. Мне нужно найти его. Увидеть его лицо, когда он скажет мне это вслух. Услышать причину. Должна же быть причина!

Обхожу ресторан. Терраса, бар, курилка. Его нигде нет. В горле стоит ком, и с каждым шагом мне становится все тяжелее дышать.

Я иду к парковке. И вижу его. Он разговаривает по телефону. Его плечи расслаблены. Он жестикулирует рукой, и в

этом жесте нет ни капли того напряжения, что было между нами в последнее время. Он... спокоен.

Я останавливаюсь в паре метров от него, не в силах сделать еще один шаг. Он чувствует мой взгляд и медленно оборачивается. Его глаза встречаются с моими. Ни сожаления, ни злости. Пустота.

Он что-то говорит в трубку. Скорее всего, это банальное: "Перезвоню позже".

Мы молча смотрим друг на друга. Где-то позади слышен смех.

Он подходит. Его лицо спокойное. Слишком спокойное.

— Серьезно? — выпаливаю я, и голос срывается. Я разворачиваю телефон экраном к нему. — Марк, мы семь лет в браке! СЕМЬ ЛЕТ! И ты сообщаем мне об этом вот так? По смс? Это шутка такая? Если так, то это не смешно.

Он медленно выдыхает.

— Это не шутка. Я правда хочу развестись. Просто, я думал, это будет... проще.

— Проще? — я издаю звук, среднее между смехом и рыданием. — Проще для кого? Для тебя? Чтобы не видеть мою реакцию? Чтобы не говорить со мной?

— Алиса...

— Нет! — я отчаянно трясую головой. — Ты мне все объяснишь. Сейчас. Немедленно. Кто она?

— О чем ты? — хмурится он.

— Не притворяйся! Ты решил, что я в это поверю? Что

ты просто проснулся и понял, что “все закончилось”? Так не бывает! Ты встретил кого-то. Скажи мне, кто она?

Он смотрит на меня, и в его глазах я наконец вижу усталость. Бесконечную, всепоглощающую усталость.

— Никого нет, Алиса. Речь не о другой женщине, — спокойно говорит он. Его голос ровный, усталый. — Просто...между нами все. Закончилось.

— Закончилось, — повторяю я. — Вот прямо сейчас. Когда моя лучшая подруга выходит замуж. Не раньше, не позже. Ты решил разрушить наш брак в день создания нового. Чтобы что? Уравновесить статистику?

— Я устал, Алис, — его голос тихий, но твердый. — И давай не будем сейчас об этом. Не здесь.

— А где, Марк? Где нам говорить о разводе, как не на свадьбе моей лучшей подруги? Ты же сам начал это сейчас. Ты отправил мне это сообщение.

Он делает шаг ко мне, и его лицо искажается.

— Алиса, хватит уже. Ты же больше всех на свете хотела, чтобы этот день у Оли был идеальным. Ты грезила о ее свадьбе, выбирала с ней платье, репетировала речь. Ты действительно хочешь устроить истерику здесь и сейчас и запомнить этот день, как тот, когда ты разрушила праздник своей лучшей подруги?

Его слова попадают точно в цель. Я замолкаю, сдерживая поток слез, которые комом стоят в горле. Он смотрит на меня, и его взгляд смягчается на долю секунды.

— Давай не будем портить этот вечер. Для нее. Для себя. Мы поговорим позже. Завтра. Обещаю. А пока, сделай вид, что ничего не случилось.

Он поворачивается и уходит. Снова. Оставляет меня одну в темноте. Его силуэт растворяется в светлом проеме двери ресторана.

А я стою. Стою и не знаю, что делать. Как зайти внутрь? Как смотреть в глаза Оле, зная, что мой брак, та самая “вера в любовь”, о которой она говорила, только что рассыпалась в прах? Как улыбаться, когда внутри все разорвано в клочья?

Я поднимаю руку и касаюсь своих щек. Они мокрые и холодные. Я делаю глубокий, прерывистый вдох.

“Сделай вид, что ничего не случилось”.

Хорошо, Марк. Я сделаю вид, что все хорошо. Но это будет самая тяжелая роль в моей жизни.

Глава 3

Алиса

Дверь в зал кажется нереально тяжелой. Я толкаю ее, и волна теплого воздуха, смешанного с запахом еды, духов и притворного веселья, накрывает меня с головой. Я пытаюсь сделать свое лицо нейтральным, маской, но чувствую, как уголки губ предательски дрожат.

— Алиса! Наконец-то! — Лена тут же оказывается рядом и сует мне в руку полный бокал шампанского. — Мы уже думали, что ты с Марком сбежала!

Подруги окружают меня, их лица сияют, глаза блестят от шампанского и всеобщей эйфории. Они так беззаботно радуются за Олю, что совершенно не замечают, как я рассыпаюсь на части. Как каждая клеточка внутри меня кричит от боли, а их смех больно режет слух.

И тут я вижу его. Марка.

Он стоит у бара, разговаривая с кем-то из своих знакомых. И он... улыбается. Не той натянутой улыбкой, что была до того сообщения, а широкой, искренней. Его плечи расправлены, глаза горят. Он скинул с себя тяжёлую ношу. Ту самую ношу, которой оказалась я. И он сияет. Прямо сейчас, когда наш мир рушится.

Я залпом выпиваю бокал и тут же беру следующий. Холодная жидкость обжигает горло, но не может смыть ком, за-

стрявший в нем.

— Алис, ты как? — рядом появляется Оля. Ее голос тихий, полный беспокойства.

Я поднимаю на нее взгляд, пытаюсь прочесть в ее глазах ответ. Она спрашивает, потому что видит меня насквозь? Видит мою фальшивую улыбку? Или... она уже знает? Если знает, то откуда?

— В порядке, — выдавливаю я. — Просто... жарко. Где Артём?

— Вышел. Опять работа, — она закатывает глаза, но в ее тоне нет ни капли раздражения или расстройства.

Она говорит об этом так легко, словно это не ее муж и не ее свадьба. Словно она равнодушна, что ее муж то и дело пропадает. Ее взгляд скользит по залу, находит Марка, и... ее выражение лица меняется. Всего на секунду. Но ее взгляд становится мягким, почти нежным.

— Марк, как я посмотрю, ожил? — замечает она, и я чувствую, как по спине бегут мурашки.

Я мотаю головой слишком резко.

— Не... не знаю.

— Да он, видимо, просто выпить хотел, — вставляет Лена, заменяя мне пустой бокал на полный. — Расслабиться. Мужики они такие.

Я смеюсь, но звук получается горьким и фальшивым. Я не могу отделаться от этой глупой, уродливой мысли, что поселилась в моей голове. Оля и Марк? Возможно ли? Нет, ко-

нечно нет. Это же абсурд. Она моя... лучшая подруга. А он мой муж. Они мои самые близкие люди.

Но я делаю глоток шампанского, смотрю на нее, на Лену поверх бокала и вижу в них не подруг, а женщин. Красивых, улыбающихся, с блестящими глазами и смотрящими на моего мужа. Странные, ядовитые сомнения пускают корни в моем сознании. Боже, какой абсурд. О чем только не подумаешь, после того, как собственный муж предлагает развестись по смс.

— Ладно, я пойду, — тихо говорит Оля. — Меня ждут гости.

Ее смех, когда она удаляется, такой чистый и искренний, что мне становится не по себе. Она уходит, и девчонки тут же хватают меня за руки.

— Пошли танцевать! Выпусти пар!

— Я... пожалуй, лучше подышу воздухом, — бормочу я, вырываясь из их хватки. Они кивают, видимо, решив, что я просто перебрала, и растворяются в толпе.

На негнущихся ногах я иду к выходу на летнюю террасу, которая давно закрыта из-за дождливой, осенней погоды. Мне нужен глоток свежего воздуха. Нужно привести мысли в порядок.

Шум из ресторана доносится и сюда, слишком много людей, а мне нужно больше тишины. Я обхожу ресторан, направляясь в более темную и тихую его часть. Сейчас сверну за угол, сяду на скамейку и напишу Марку. Напишу, что-

бы он подошел сюда. Чтобы мы поговорили. Это же смешно. Мы должны это обсудить.

Поворачиваю за угол и забываю, как дышать.

Оля. Она стоит здесь, в своем идеальном свадебном платье. И обнимает мужчину. Ее руки обвились вокруг его шеи, лицо прижато к его плечу.

Сначала я разворачиваюсь, чтобы не мешать. Инстинкт вежливости срабатывает быстрее осознания. Но мой взгляд, цепляется за крошечную деталь.

За платок в нагрудном кармане пиджака мужчины. Темно-бордовый, в белый горох. Тот самый платок, который я подарила Марку на годовщину. Который я достала с таким трудом. И я внезапно понимаю.

Это не ее муж. Это Марк. Мой Марк.

Я замираю как вкопанная, не в силах пошевелиться.

— Все будет хорошо, — доносится шепот Оли. — Алиса сильная. Она справится.

Визуализация героев

Приглашаю вас взглянуть на наших героев!

Алиса

Марк

Ольга

Глава 4

Алиса

Я стою и не могу пошевелиться. Не могу уйти, не могу подойти. Просто стою, вмерзшая в землю, и, кажется, даже не дышу. Мое тело онемело, а сердце бьется так громко, что, мне кажется, они вот-вот его услышат.

— Она справится, — снова говорит Оля. Ее голос тихий и убедительный. Она все еще обнимает Марка, ее щека прижата к его груди. — Алиса сильная. Она переживет это. Ты же говорил мне как-то, что давно остыл к ней. Так к чему сейчас твои терзания?

— Ты права. Между нами уже нет былой страсти, и..., — голос Марка глухой. — И видеть ее сегодня... знать, что я причиняю ей боль своими поступками и словами... Это тяжело.

— Я понимаю, но тебе нужно просто это пережить. Ты же понимаешь это?

— Да. Я разберусь с ней, но ты... когда я сегодня увидел тебя в этом платье, понял, что ты действительно выходишь за другого, во мне что-то сломалось. Я понял, что больше не могу оттягивать с разводом. Не могу притворяться, что все в порядке. Я должен был давно сказать и ей и тебе о своих чувствах.

Оля отстраняется, берет его лицо в свои руки. В ее глазах

слезы и то самое обожание, которого мне так не хватало в последнее время от Марка.

— Почему же ты не сказал? Почему, когда мы были вместе, ты отпустил меня так легко? Я думала, что ты больше не любишь меня. Я думала, что Алиса — твой осознанный выбор.

— Это было давно. Я был идиотом! — вырывается у Марка, и в его голосе столько отчаяния, что мне хочется закричать. — Я думал, что с Алисой это надежно, это навсегда. А с тобой... с тобой было страшно. Ты была как ураган. А сейчас я понимаю, что именно этого урагана мне не хватало. Именно тебя.

Каждое его слово как пощечина.

“Надежно”.

“Навсегда”.

Как скучно это звучит. Как постыло.

— Я же любила тебя, — шепчет Оля, и мир вокруг меня окончательно рушится. — Все эти годы. Я пыталась забыть тебя, встречалась с другими... Но никто не мог сравниться с тобой. И когда Артем сделал предложение, я подумала может, это знак? Знак начать новую жизнь. Но сейчас, увидев тебя здесь, услышав твои слова, я понимаю... я не смогу. Не смогу полюбить его так, как любила тебя, но он мой муж. Я его жена и...

— Я развожусь, Оль, — перебивает ее тираду Марк, и это выжигает во мне все остатки надежды. — Я уже отправил

Алисе сообщение. Она уже знает, что мы разводимся. Завтра же я начну оформлять бумаги.

— Нет, подожди! — она хватает его за руку, ее глаза полны паники. — Не сейчас. Не в день моей свадьбы. Не сразу после нее. Я не могу бросить Артема сейчас. Дай мне время. Дай нам время все обдумать.

— Сколько еще времени нам нужно? — его голос срыгается. — Мы уже упустили столько лет! Я не хочу ждать еще. Я не хочу тайных встреч и взглядов украдкой. Разве ты не чувствовала эту искру между нами в последнее время?

— Я понимаю тебя! Знаю о чем ты говоришь, — признается она. — Но мы должны быть умнее. Мы должны все сделать правильно. Ради нас самих.

Они смотрят друг на друга, и в этом взгляде целая жизнь невысказанных слов, украденных мгновений, которых я никогда не замечала. Они считают это великой любовью, которой мешаю я.

Как я могла быть такой слепой? Как давно они вместе? Неделя, месяц, годы? Это, должно быть, случилось не так давно. Марк никогда не говорил о ней. Он ни разу не обмолвился. Никак не выдал своих чувств и эмоций. Ни словом. Ни намеком.

А она... когда я знакомила их, они вели себя как два абсолютно посторонних человека. Ни одной лишней улыбки, ни одного затянувшегося взгляда. Какие же они прекрасные актеры.

Я смотрю на них и во мне борются два чувства. Первое — подойти. Разрушить их жалкую, лживую идиллию. Устроить сцену, которую они заслуживают.

Но второе.... Оно говорит мне уйти. Бесшумно, как тень. Потому что если я подойду сейчас, я сломаюсь окончательно. Я расплачусь, буду униженно требовать ответов.

Я делаю шаг назад. Потом еще один и замираю.

Гордость рвет мою душу на части. Она требует расправы. Мести. Такого же унижения для мужа, как и его сообщение. Унизительное. Циничное. Безжалостное.

Из-за них моя жизнь оказалась одной большой, уродливой ложью, и я должна что-то с этим сделать. Прямо сейчас, пока они не уничтожили ее до конца.

Глава 5

Алиса

Адреналин — странная штука. Он не оглушает, а наоборот обостряет до боли каждое чувство. Я смотрю на их идиллию еще пару секунд и разворачиваюсь.

Ноги сами несут меня обратно в зал, тяжелые и четкие, как шаги палача. Они не просто разрушили мою жизнь, они годами строили на ее руинах свой пошлый роман. И я не закрою на это глаза. Посмотрим, как их карточный домик выдержит ураган правды.

Зал погружается в смущенный гул, когда я поднимаюсь на сцену. Шампанское в бокалах кажется мне теперь похоронным нектаром. Как прозаично. Я сегодня думала, что эта свадьба в компании моего мужа будет похожа на похороны, но я и представить себе не могла, что сегодня мы хороним наш брак.

Полы платья цепляются за ковер, такая мелкая, ничтожная помеха, которая лишь подливает масла в огонь. Я беру микрофон у ведущего. Рука не дрожит. Она каменная.

— Уважаемые гости! Прошу прощения за беспокойство, — мой голос звучит чужим, металлическим тоном. — Но я не могу не поделиться с вами радостной новостью. Сегодня не просто свадьба. Сегодня день освобождения.

Я ищу в толпе Артема. Нахожу. Он стоит у свадебного

торта рядом с двумя мужчинами. Его честное, открытое лицо искажает легкая растерянность. Он не понимает и даже не подозревает, что будет дальше. Он просто ждет разгадки, как добродушный зритель в театре. Господи, как же он похож на меня. На ту дуру, что полчаса назад выбирала оливки для мужа, веря в силу ритуалов.

— Где же наша виновница торжества? — растягиваю слова, наслаждаясь каждой секундой. — Моя лучшая... нет, СА-МАЯ лучшая подруга Оля. Та самая, которой я доверяла все свои тайны. Которая утешала меня, когда Марк задерживался на работе.

И тут, словно по моей команде, распахивается боковая дверь. И входят они. Вместе. Плечом к плечу, как два сообщника. На их лицах следы недавнего шепота, украденной близости.

— Ах, вот и наши дорогие! — мой голос становится сладким и таким же ядовитым. Они видят меня. Переглядываются. В глазах каждого проскальзывает паника. — Вы вернулись в идеальное время. Потому что сегодня мы празднуем не только свадьбу, но и мой развод.

В зале воцаряется гробовая тишина, которую режет лишь чей-то нервный смешок. Оля замирает на месте, ее пальцы судорожно сжимают букет. Она белеет, как ее фата, и на секунду мне кажется, что она просто призрак, мираж.

— Причина, — продолжаю я, медленно обводя взглядом зал, — до смешного банальна. У моего мужа есть другая. И

самое забавное... она сегодня здесь, в этом зале.

— Алиса, что ты несешь? Успокойся! — Лена появляется рядом, как ангел-хранитель на разрушенной свадьбе. Ее пальцы впиваются мне в локоть, пытаюсь стащить с возвышения. — Спускайся. Ты же видишь, что Оле не по себе.

Я вижу, как к сцене пробивается Марк. Его лицо словно маска холодной ярости. На его правом виске пульсирует жилка. Знакомая жилка. Она всегда пульсирует, когда он сдерживается, чтобы не накричать на меня.

— Алиса, немедленно прекрати! — его голос громоподобен, но для меня он теперь просто звук. — Мы же договорились решить все цивилизованно!

— Я передумала, — парирую я, и адреналин бьет в голову, как шампанское. — Цивилизованно, милый — это когда сообщают о разводе лично, а не по смс. Правда, Оля? Ты же знаешь об этом.

Оля заставляет себя сделать шаг вперед. Ее улыбка сейчас, лишь жалкая попытка сохранить лицо.

— Алиса, дорогая, давай спустимся и поговорим как взрослые люди. Не превращай этот день в спектакль, — блет она.

— В спектакль? — я фыркаю. — А что это было все последние годы, как не спектакль? С той лишь разницей, что я не знала, что играю в нем полную дуру, — я наклоняюсь к ней, отодвигаю микрофон. Мой шепот острый, как лезвие бритвы. — Удобно, да? Спать с моим мужем, пока я тебе

завариваю успокоительный чай и выслушиваю твою боль о том, что тебе не везет в любви?

Она отскакивает, будто ее ударило током. Ее глаза превращаются в два испуганных пятна.

— Лис, хватит! Ты переходишь все границы! — Марк хватается меня за руку так, что наутро останутся синяки. — Я с ней не спал! Никогда!

— О, конечно! — мой смех режет слух. — У вас же возвышенная, платоническая связь! Вы просто... грели друг другу сердца на расстоянии. Как романтично.

— Мы правда... мы не спали, — голос Оли дрожит, в нем слышны слезы. Она обращается не ко мне, а к Артему. — Лис, умоляю, одумайся...

— Но это не мешает вам любить друг друга все эти годы, верно? — возвращаю я микрофон к губам, наслаждаясь ее паникой. — Не мешает шептаться в углу на моей же годовщине? Не мешает ему ревновать к твоему замужеству? Думаешь, я не знаю, что причина, по которой он сегодня сообщил мне о разводе — ты?

— Это неправда! Все не так! — ее крик чистый, неподдельный ужас.

— Марк? Что происходит? Объясни мне, — голос Артема срывается. Он ничего не понимает, ровным счетом так же, как и я несколькими минутами ранее.

Марк, не отпуская мою руку, делает шаг к нему, принимая деловой вид.

— Ничего страшного, Артем. Прости за эту похабную сцену. Алиса... она выпила лишнего. У нее непереносимость, она не контролирует себя, когда пьет.

— Я выпила два бокала шампанского, если это так важно, — спокойно говорю я, замечая как лицо Артема каменеет. — Артем, может, это ты не хочешь видеть то, что происходит у тебя за спиной, как и я? — вставляю я, глядя прямо на Артема. — Может, тебе стоит спросить у своей жены, почему мой муж только что вернулся в зал в ее компании?

Я вижу как его взгляд меняется. Как в его глазах, еще недавно сияющих от счастья, проскальзывает смятение и шок. И мне становится его жаль, но он должен узнать правду.

Глава 5.1

Алиса

Оля издает странный звук, будто ее душат. Артем застывает. Его взгляд медленно переходит с моего искаженного лица на бледное, как смерть, лицо своей новобрачной.

— Оля? — в его голосе впервые появляется что-то, кроме растерянности. Холод. — Что она имеет в виду? Что значат ее слова? Это правда? Ты и... ее муж...

— Она лжет! — Оля хватается его за рукав, ее пальцы судорожно цепляются за ткань. — Артем, родной, я же люблю тебя! Разве я вышла бы за тебя, если бы... Я даже почти не общаюсь с Марком! Алиса просто злится, что он сказал ей о разводе сегодня и пытается разрушить наше счастье!

Она лебезит, жметесь к нему, и в ее глазах та самая паника, что была у меня, когда я читала его смс. Но Артем не отталкивает ее. Он просто смотрит. Молча. И в его молчании приговор.

— Все, я не позволю тебе и дальше унижать себя, — рычит Марк мне в ухо и с силой тащит меня со сцены.

Мы пробиваемся сквозь толпу. Десятки глаз провожают нас. Одни с осуждением, другие с жалостью, третьи с нескрываемым любопытством. Я не сопротивляюсь. Я уже сделала то, зачем вышла на эту сцену. Я открыла всем правду, а дальше пусть они сами разбираются, как с ней посту-

пить.

Марк вытаскивает меня на улицу и ночной воздух тут же бьет в лицо, как ушат ледяной воды. Мы немного отходим от ресторана. Останавливаемся. Я все еще дышу рвано от пережитых эмоций. Сердце колотится где-то в горле. Он отпускает мою руку и отступает на шаг. Его грудь вздымается. Глаза блестят яростью.

— Что, черт возьми, с тобой стряслось? — его голос хриплый, я слышу в нем не только злость, но и страх. — Ты сошла с ума? Ты только что чуть не уничтожила не только нашу репутацию, но и Артема с Ольгой!

— Разве я соврала? — выдыхаю я. Каждое слово дается с усилием. — Хотя в чем-то одном?

— Она твоя подруга! — это уже не крик, а что-то вроде стенания. — Как ты могла? Зачем?

— А ты? Как ты мог годами смотреть мне в глаза? Как ты мог обнимать меня после того, как тайком переписывался с ней? — голос срывается, и я ненавижу себя за эту слабость. — Теперь я знаю, почему ты не хотел ехать сюда. Не из-за шума. Не из-за раздражающего тебя “горько”. А потому что не мог вынести вида Оли в белом платье рядом с другим. Потому что это им кричали бы “горько”. Признайся!

Он замирает. Не спрашивает откуда я знаю. Не отрицает. Он просто молчит. И в этой паузе мое подтверждение.

— Это бред твоего больного воображения, Лис, — бросает он через несколько секунд гнетущей тишины, но уже без

прежней уверенности. — Я... Я вызвал тебе такси. Поезжай домой. Сейчас же.

— Зачем? Боишься, что я вернусь и закончу начатое? Доложу Артему все детали вашей “платонической” любви?

— Нет! — он вдруг кричит, и в его глазах вспыхивает отчаяние. — Я боюсь, что ты больше никогда не сможешь отмыться от этого! Что ты навсегда останешься в их глазах истеричкой, а не жертвой!

Этот внезапный порыв застает меня врасплох. Но это уже не важно.

— А я и не собираюсь быть жертвой, Марк. Пусть я лучше буду истеричкой в твоих глазах, чем полной дурой. Потому что ты сам сделал меня такой. Ты сам превратил нашу любовь в грязный спектакль.

— Алиса, прекрати! — он проводит рукой по лицу. — Езжай домой. Успокойся. Я... я разберусь с этим бардаком и приеду домой. Мы все обсудим. Трезво. Спокойно.

Я смотрю на него, на этого красивого, но уже чужого мужчину, с которым я делила свою жизнь. И вижу только пустоту.

— У тебя больше нет дома, Марк.

Такси подъезжает. Я открываю дверь, сажусь на холодное сиденье. Захлопываю дверь. Через стекло вижу, как он стоит в тени уличного фонаря. Его фигура кажется такой одинокой и жалкой.

Машина трогается. Его отражение в зеркале становится

меньше, пока не растворяется в ночи. А я даже не плачу. Я просто смотрю в темноту за окном и понимаю, что он только что разрушил все, что мы строили эти семь лет.

Глава 6

Алиса

Такси. Дом. Лифт. Все как в тумане. Никаких эмоций. Только странная, оглушающая пустота.

Я где-то читала, что так организм защищается. Когда боль превышает все лимиты, он просто отключает рубильник.

Дверь квартиры закрывается с тихим щелчком. Я стою в прихожей и смотрю на наши с ним тапочки. Рядом. Как и должно быть. Как было. До сегодняшнего дня.

Я иду в спальню, достаю из-под кровати его спортивную сумку, ту самую, с которой он ездит в командировки. Расстегиваю молнию. Резкий звук режет тишину.

Я открываю шкаф. Его половина. Аккуратные рубашки, свитера, джинсы. Я начинаю снимать их с вешалок и складывать. Медленно, методично. Не думаю ни о чем. Просто действую. У них любовь? Отлично. У меня сейчас тоже любовь... к себе в первую очередь. К той мне, кто не будет терпеть ложь.

В сумке вибрирует телефон. Оля. Я скидываю вызов. Ей еще хватает совести звонить мне после того, что я услышала из ее уст.

“Алиса сильная. Она справится”.

Справлюсь. Она права. Так справлюсь, что они еще об этом пожалеют, а вот что будет с их “любовью” это мы еще

посмотрим.

Через минуту звонит Лена. Ей я отвечаю.

— Алис, что за представление ты устроила? Знаешь, не хочу тебя осуждать, но это было не смешно. Ты внесла такую смуту, что Оля с Артемом чуть не переругались в день собственной свадьбы, — слышен ее пьяный, веселый голос и гул голосов на фоне. — Еще твой развод. Ты о чем вообще?

— Ни о чем, Лен. Уже не о чем. Просто пока вы веселились, кое-кто умер, и я решила всем об этом рассказать.

— Умер? — в ее голосе мгновенная трезвость и шок. — Кто?

— Мой брак. Он умер от недостатка правды, — отправлю еще одну его кофту в сумку.

— Чего? Ты там реально перепила, что ли? — слышно, как она кричит кому-то в сторону. — Девчонки, я же говорила, что она много выпила!

— Дай мне трубку. Я с ней поговорю, — это уже Оля, но я не готова ее слушать. Не хочу еще раз окунуться в эту грязь.

Я сбрасываю вызов. Вещи собраны наполовину. Во рту сушняк. Действительно, не стоило пить шампанское. Иду на кухню, наливаю стакан воды. Пью большими глотками, глядя в черное окно. Свое отражение в нем кажется призрачным.

Возвращаюсь в спальню. И слышу, как в замке поворачивается ключ.

Дверь открывается. На пороге появляется Марк. На его лице застывает какая-то улыбка, наверное, эхо разговора с

НЕЙ, но, увидев меня и открытую сумку на кровати, он мгновенно хмурится. Класс. Не думала, что мой вид вызывает у него такие чувства.

— Алис, ты серьезно? — он указывает подбородком на сумку. — Собираешь мои вещи после того, как сама устроила спектакль?

— А чему ты удивляешься? Я вроде ясно выразилась о своих намерениях. Только не в тихушку и по смс, а во всеуслышание. Да, и на что ты еще рассчитывал, после того как заявил о разводе? Думал, я буду хлопотать на кухне и готовить тебе супчик от похмелья?

— Лис, а нормальной быть нельзя? — он снимает пиджак, бросает его на стул. — Просто достойно принять правду. Без всех этих выкрутасов.

— Правду? — я делаю шаг к нему. — Какую? Что наша жизнь стала скучной? Что мы разведемся? Ах, ты об этой правде. А я-то уж подумала, что ты назрел рассказать мне о том, как вы с Олей дурили меня все это время.

Он закатывает глаза с таким раздражением, словно я говорю о погоде.

— Между нами ничего не было, Алиса, хватит уже! Что за навязчивая идея у всех женщин? Если что-то идет не так, значит, сразу есть другая! Нашла в Оле крайнюю и счастливая, крутишь в голове эту мысль.

Я смотрю на него, и пустота внутри начинает заполняться ледяным спокойствием. Он правда не понимает или про-

фессионально делает вид?

— Даже не знаю, Марк. С чего я взяла, что твое решение о разводе связано с моей лучшей подругой? Может, потому что я все слышала?

Он замирает, но не от удивления, а от какой-то усталости.

— Что ты слышала? — тянет он, отводя взгляд, но я не отвечаю.

Просто смотрю на него. Секунда. Другая. И я вижу, как сквозь алкогольную дымку в его мозгу пробивается здоровый смысл. Он медленно поднимает на меня взгляд, его лицо постепенно меняется. Настороженность сменяется пониманием, а потом шоком.

— Дошло, как я посмотрю? Я слышала ваш разговор за рестораном, — говорю я тихо. — Теперь понимаешь, почему я это сделала? Второй день ты не в себе, потому что она вышла замуж. Ты ревнуешь ее. Наш развод. Все это из-за нее. Потому что твои влажные мечты о том, что вы будете с ней вместе, внезапно разрушились.

Глава 7

Алиса

Он смотрит на меня, не моргая. Я попала в самую цель.

— Лис..., — Марк стоит на пороге нашей спальни. На его лице читается вина и растерянность. — Мы должны поговорить. Все не так однозначно, как может показаться, — его голос звучит хрипло.

Я не отвечаю. Поднимаю с пола пару носков, которые выпали, и запихиваю их в боковой карман сумки. Действую методично, как робот.

— Решение о разводе... я принял его давно. Месяц назад. Может, два. Просто не знал, как тебе сказать. Это оказалось слишком сложно, потому что я до сих пор не могу однозначно сказать, что между нами больше нет любви.

— Как интересно, — говорю я, не глядя на него. — А с Олей крутить шашни, выходит, было проще? С моей лучшей подругой? Знаешь, Марк, мне вот интересно, а вы с ней обсуждали, как ты сообщишь мне про развод? Она подала тебе идею отправить мне СМС?

— Нет. Она не знала об этом. Просто... Меня все немного утомило, Лис. Эти отношения. Эта рутина. Ты постоянно на работе, я на работе. Мы видимся вечером, уставшие, и нам даже поговорить не о чем, понимаешь? О чем мы в последний раз говорили, кроме счетов и ремонта? А когда мы с ней

случайно встретились без тебя, то я будто свежего воздуха глотнул.

Я скидываю в сумку его дорогой свитер, тот самый, который я выбирала ему в прошлом году. Он такой мягкий... и такой чужой.

— И чтобы развеять скуку, ты решил переспать с моей лучшей подругой? Гениально. Нашли общую тему, как тебя бесят наши с тобой будни?

— Все не так, Лис! — он проводит рукой по волосам, и в его глазах мелькает настоящее отчаяние. — Просто... Я не могу это объяснить.

— А ты попробуй. Когда у вас это началось? Сколько времени я хожу в дураках?

— Не так давно! Правда. Я никогда не смотрел на нее как на женщину, пока..., — он замолкает, подбирая слова.

— Пока что, Марк? Пока не заговорили о ее свадьбе?

Он молча кивает, глядя в пол.

— И тогда ты как с ума сошел, да? Потерял голову. Не мог думать ни о чем другом. Ни есть, ни спать. Все стало как в тумане.

Он снова кивает, и в этом молчаливом признании вся глубина его предательства. Как же банально и предсказуемо!

Я мысленно прокручиваю время назад. Первые упоминания о свадьбе Оли... Примерно два месяца назад. Да. Именно тогда она почти перестала бывать у нас, полностью поглощенная свадебными хлопотами. А я ей помогала. Готовилась

вместе с ней. Готовилась, пока мой муж не мог думать ни о ком другом, кроме как о моей подруге.

— Мы с тобой в браке семь лет, Марк.

— Знаю. И я понимаю, как это сейчас все выглядит.

— Тогда почему? — мой голос срывается, предательски выдавая боль, которую я так старательно прятала.

— Когда-то давно, еще до тебя, у нас с Олей были отношения, — признается он, повергая меня в шок. — Мы тебе не говорили, чтобы в будущем не было подозрений. Непродолжительные. Потом мы расстались, и я думал, что это точка. Позже я встретил тебя. Думал, что в тебе я нашел свою стабильность, покой, уверенность в завтрашнем дне. Думал, закрыл этот гештальт. А потом узнал о ее свадьбе, и все... понеслось. Всколыхнулось.

— И ты решил, что со мной, со своей женой, можно порвать по смс.

— Я просто не знал, как сказать это, глядя тебе в глаза! — взрывается он.

— Поэтому ты решил написать об этом на ее свадьбе. Очень умно. Поступок, заслуживающий премии.

— Лис, пойми, с тобой у нас... нет больше того огня. А при встречах с ней... я зажигаюсь. Между нами искрит. И если ты думаешь, что мы стали любовниками... то нет. Мы не спали. Ни разу. Я лишь несколько раз подвозил ее, когда этого не мог сделать Артем. Несколько раз ходил с ней по поводу оформления свадьбы... Она сама мне позвонила. Это

была ее просьба. Я не мог отказать, зная, что вы подруги. Между нами ничего не было такого, за что ты можешь меня ненавидеть.

— Ты мог позвонить мне и сказать, чтобы я ей помогла.

— Я не хотел тебя тревожить.

Я закатываю глаза от его глупых оправданий. Это так смешно, что на меня накатывает волна усталости.

— Ты сказал, что любишь ее, — напоминаю я ему, и слова повисают в воздухе холодными лезвиями.

Он замирает. Эмоции на его лице сменяются одна за другой. Замешательство, страх, растерянная надежда.

— Я... не уверен, что это та самая любовь, что была в юности, — наконец выдыхает он. — Просто... мне, чтобы это понять, нужно время. Нужна свобода. И я не хочу предавать тебя, таскаясь по углам. Поэтому я и сказал тебе про развод. Я, кажется, остыл к тебе, Лис. Возможно, временно, но... это можно проверить лишь одним способом...

— Разводом, — договариваю я за него, и в груди что-то окончательно отмирает, освобождая место ледяному спокойствию.

— Да, — тихо соглашается он.

Я делаю глубокий вдох. Поднимаю с пола его тяжелую, набитую вещами сумку.

— Знаешь, Марк, — говорю я, и мой голос звучит на удивление ровно и твердо, хотя внутри все кричит от боли. — А я тоже остыла к тебе. Уже давно. До градусов так минус ста.

Я вижу, как он вздрагивает. Вижу, как мое вранье, сказанное лишь для защиты, ранит его. И мне это... безразлично.

— Поэтому я согласна на развод. Хоть завтра. Готовь документы. Я все подпишу.

Я, не глядя, вталкиваю сумку ему в руки. Он машинально хватает ее, его пальцы сжимаются на ручках.

— А теперь уходи. Ты прав. Нам нужно время. И я даю тебе его. В полной мере.

Он стоит еще секунду, словно ожидая, что я сорвусь, заплачу, попрошу остаться. Но я просто отступаю назад, освобождая ему путь к двери.

— Лис..., — снова бормочет он.

— Счастливого пути, Марк.

Он медленно поворачивается. Открывает дверь. Переступает порог. И вот он уже на той стороне, а я без каких-либо эмоций закрываю за ним дверь с тихим щелчком.

Прислоняюсь лбом к прохладной деревянной поверхности. За моей спиной квартира, наполненная призраками наших семи лет. Впереди тишина. Пугающая, оглушительная тишина. И в этой тишине я впервые за долгое время слышу только себя.

Глава 8

Алиса

Утро понедельника наступает с той же неумолимостью, что и всегда.

Я встаю. В квартире ровно та же тишина, что и вчера, позавчера и все последние несколько лет по будням. Я уже к этому привыкла. Постоянная разница в рабочих графиках дает о себе знать, но сегодня все иначе. Сегодня эта тишина другого качества. Громкая. Окончательная.

Ночью я не рыдала в подушку. Не проронила ни слезинки. Я просто лежала и смотрела в потолок, чувствуя, как внутри меня медленно, словно в замедленной съемке, оседает боль.

Брак по своей сути это бизнес-проект. Шок, боль, все это появляется, когда партнер, с которым вы долго сотрудничали, внезапно объявляет о банкротстве, сливает активы и сбегает к конкуренту. Нет, не к конкуренту. К саботажнику, занесенному в твой же штаб. В бизнесе нет места истерикам. Есть место только анализу ошибок и новому плану развития.

И я бы хотела, чувствовать сейчас именно это, а не то, как мое сердце разрывает на части.

Вместо своего законного выходного, который я запланировала еще в день, когда узнала о свадьбе Оли, я надеваю свой лучший костюм и еду в офис. Мой офис. Моё детище.

Дверь открывается с привычным щелчком.

— Доброе утро, девочк...

Я не успеваю договорить. Мои девочки: Катя, Света и Юлия сидят за мониторами с таким видом, словно их застают за просмотром чего-то запрещенного на рабочем месте. Они вздрагивают и смотрят на меня, как на призрака.

Наступает тягостная пауза.

— Что? — спрашиваю я, снимая пальто. — У меня на лице остатки свадебного торта? Или вы просто впервые видите меня в семь утра в понедельник?

Катя, самая юная и эмоциональная, первая не выдерживает.

— Алиса... мы... мы все видели. Божечки, я даже представить себе не могла, что...

Я вешаю пальто на вешалку, стараясь, чтобы руки не дрожали, а на лице не показались мои настоящие эмоции.

— Видели что? Мою блистательную речь о вреде разводов для экономики? Я, кстати, считаю, что это могло бы неплохо так завестись, — отшучиваюсь я.

— Алис, ты разве не в курсе? В интернете..., — шепчет Света. — Фотографии. Видео... Ты и... Оля. Твоя подруга. Точнее... бывшая подруга, как я понимаю.

Юля молча разворачивает ноутбук. На экране публик какой-то светской хроники с кричащим заголовком:

“Драма на свадьбе Артема Вербицкого”.

Внизу мое фото с микрофоном, лицо искажено холодной яростью, и кадр, где Оля, бледная, как ее платье, прячется

за Артемом.

Я усмехаюсь. Звук выходит сухим и колючим.

— Ого, быстро работают. Считайте бесплатная пиар-кампания. Надо будет отправить им счет за рекламу.

— Алис..., — Катя смотрит на меня с таким сочувствием, что мне хочется закричать, заплакать, вылить на них всю ту боль, что я пережила на свадьбе Оли, но если я скажу хоть слово о том, что я чувствую на самом деле, то я сломаюсь. Не смогу снова надеть эту маску безразличия. — Мы в шоке. Мы не знали, что у тебя... такие проблемы.

— Проблемы уже решены, — отрезаю я, подходя к кофемашине. — Убыточный актив закрыт. Сотрудничество с ненадежным партнером прекращено. Компания продолжает работу в штатном режиме.

Я нажимаю кнопку. Машина шипит, заполняя тяжелым ароматом кофе еще одну порцию тишины.

— Но... как ты? — не унимается Света. — Это же ужас! Предательство... с Олей! Она же так часто приходила к нам. Мы вместе болтали. Да, если бы мы знали, мы бы ее и на порог не пустили.

Я беру свой капучино, оборачиваюсь к ним и вижу три пары глаз, полных жалости и любопытства.

— Знаете, что я чувствую? — говорю я ровным, деловым тоном.

— Жалость, что теперь ее свадьба еще долго будет у всех на слуху?

— Ни за что. Она хотела славы и получила ее. Я чувствую легкое удовлетворение.

— Правильно! — выкрикивает Катя. — Так ей и надо, этой карманной Джульетте. Пусть знает, что чужие мужья — это не игрушки, а мины замедленного действия.

— Точно! — воинственно выпрямившись и расправив плечи, поддерживает Света. — Ей, считай, сделали прививку от тупости. Единственное, кого искренне жаль, так это ее Артема. Кажется, он нормальный мужик, а вместе с ней попал под раздачу.

— Наверное, вы правы. Судя по его лицу в день их свадьбы, он правда ее любит, и я пока не представляю, как он будет справляться с этим.

— Нет, это, конечно, хорошо, что все тут такие стойкие, но Алиса. Ты же не собираешься сегодня работать? Ты же наверно просто пришла к нам, чтобы поболтать? — удивляется Юля. — Может, тебе домой? Отдохнуть? Выпить валерьянки, а то и чего покрепче?

Я делаю глоток горького кофе. Он обжигает горло, и это кстати. Оно помогает держать себя в тонусе и не впадать в отчаяние.

— Нет, дорогие мои. Я не собираюсь раскисать. Траур объявляют по мертвым. А мой муж и “дорогая” подруга все еще живы.

Я улыбаюсь им самой искренней своей улыбкой. Улыбкой, за которой можно спрятать все что угодно.

— Все, заканчиваем обсуждать мою личную жизнь и за работу. У нас к десяти утра должен быть готов макет для “Весны”.

Девочки суетятся, поворачиваются к мониторам. Я прохожу в свой кабинет, закрываю дверь, прислоняюсь к ней спиной и закрываю глаза.

— Где закончилось одно, там начнется другое, — повторяю я шепотом, стараясь поверить собственным словам, но в полной тишине, сквозь бетонную толщу внутри, я чувствую тупой, ноющий звук. Тихий, настойчивый, как сигнал будильника в соседней комнате.

Мое предательское сердце все еще ноет. Ему больно, и оно не может выкинуть Марка из своей жизни с легкостью, о которой я всем говорю.

Глава 9

Алиса

Пока я работаю, в моей жизни все хорошо. Мир сужается до размеров экрана, до строк в договоре, до пикселей в макете. Здесь нет места эмоциям. Здесь есть контроль. Абсолютный. Я могу просчитать каждый шаг, предугадать каждую правку, управлять каждой мелочью. В отличие от моей собственной жизни, где все пошло наперекосяк.

Заканчиваю с бумагами. Домой идти не хочется, но и оставаться здесь бессмысленно. Девочки провожают меня взглядами, в которых смешались жалость и сочувствие, от которых кожа покрывается липким потом. Я чувствую их взгляды на спине, но не оборачиваюсь. Нельзя. Нельзя поддаваться этой обволакивающей, сладкой жалости к самой себе.

Да, мне больно. Да, все, что случилось — это унижительно. Противно до тошноты. Но оказаться той, кто размазывает сопли по лицу и требует у мира жалости, еще отвратительнее. Поэтому подбородок выше, плечи расправлены, взгляд прямой. Я иду, даже если внутри все разорвано в клочья.

Возвращаюсь в квартиру. Дверь закрывается с тихим щелчком, который звучит громче любого хлопка. И в этой оглушительной тишине меня наконец отпускает. Накатывает пустота. Не острая боль, а тяжелое, безразличное ничто. Я пытаюсь затолкать ее поглубже, подальше, но она выпирает,

давит.

Пока готовлю ужин, с моих глаз срываются первые слезы. Глупые, предательские. Не знаю почему именно. По нему? По упущенному времени? Семь лет. Мы могли бы... А ведь я еще хотела от него ребенка. Мы планировали. Не то чтобы отчаянно, не ходили по врачам без остановок, но уже давно не предохранялись. Ждали. Мечтали.

Я не давила. У Марка было много работы, и мы с этим не спешили. Я поддалась воле судьбы, и оказалось, не судьба. И, черт возьми, наверное, к лучшему. А то сейчас пришлось бы впутывать в эту грязь еще и маленького человечка. Мысль холодная, рациональная, но от этого не менее горькая.

Я сажусь ужинать. Вечерняя трапеза в полном одиночестве. Потом иду в спальню за халатом. Открываю шкаф. И вижу его галстуки. Аккуратный ряд. Шелк, шерсть, дорогие оттенки. Я сама выбирала большую половину из них, но не понимаю, как так вышло, что я их не собрала.

Первым порывом было выбросить все до единого. Отправить в мусорный бак вместе с памятью о нем. Но рука не поднимается. Не из-за сантиментов. Из-за денег. Каждый галстук — это маленькое состояние.

Беру телефон и пишу ему. Кратко, без эмоций.

“Забери свои галстуки. Они похожи на удавки. Еще пара дней, и я буду представлять тебя в них”.

Не дописываю, в каком именно виде. Но мое воображение услужливо рисует очень четкие и не радужные для него кар-

тинки.

Ответ приходит почти мгновенно. Как будто он сидел с телефоном в руках.

“Заеду завтра после работы”.

Я смотрю на сообщение, и что-то холодное и твердое поселяется внутри.

“Отлично. Они будут ждать тебя в подъезде”.

“Алиса, не глупи. Мы не чужие люди. Я заберу их из квартиры”.

Читаю это и почти физически чувствую, как открывается дверь, и он входит в нашу квартиру. В то место, где мы были так счастливы. С нашими взглядами, нашим прошлым, нашей историей.

Ну, конечно, размечтался.

Тут же открываю браузер. Ищу службу экстренной замены замков. Нашла. Оформляю заявку на завтра, на утро, как можно раньше.

Убираю телефон. Смотрю на галстуки. Теперь они просто куски ткани. Завтра от них не останется и следа. Как и от его доступа сюда.

И от этого становится немного легче дышать.

Глава 10

Алиса

Время десять утра, а мне уже сменили замки. Я успела разобраться с проблемным заказчиком и теперь молча смотрю, как солнечный свет безжалостно заливает мой кабинет, выхватывая из воздуха каждую пылинку. Я пытаюсь сосредоточиться на отчете, но цифры пляшут перед глазами. Мысль, отвратительная и навязчивая, как назойливая муха, жужжит в голове: “Подавай первой. Подавай на развод сама. Не доставляй ему этого удовольствия”.

Я откладываю планшет и с силой тру переносицу. У меня все равно нет другого выбора. Я не хочу делить Марка. Не хочу делить вместе с ним одно пространство, воспоминания, юридические формальности.

— Алиса, можно? — в дверях появляется Катя с кипой бумаг. Ее взгляд скользит по моему лицу, и я вижу, как в ее глазах загорается знакомая искорка жалости.

— Входи, — говорю я, и голос звучит хрипло. Я откашливаюсь, возвращая себе стойкость. — Что там?

— Отчет по последнему проекту. Ты просила подготовить его к одиннадцати. И... э-э-э... еще звонил клиент из “Весны”, он недоволен цветовой гаммой. Говорит, “слишком уныло”.

Я беру у нее папку, листаю страницы, не видя, где, по

его мнению, тут что-то “Слишком унылое”. Да, конечно. После того, как твоя жизнь превращается в черно-белый триллер, сложно подбирать жизнерадостные оттенки для чужого бренда, но здесь все, как мы и договаривались.

— Передай, что жизнерадостный кислотно-розовый мы оставим для его свадьбы, — огрызаюсь я. — А в этом проекте мы делаем ставку на стиль, а не на клоунаду. Собственно, об этом мы с ним и говорили, когда согласовывали заказ.

Катя замирает с открытым ртом.

— Алиса, я не могу так...

— Перефразируй, — вздыхаю я, откидываясь на спинку кресла. — Извини, Кать. Я не выпалась, а еще эта “Весна” с их ежедневными придирками. Скажи им, что при разработке дизайна мы учитывали предпочтения целевой аудитории и тренды. Предложи еще три альтернативных, но сдержанных варианта.

— Хорошо, — она кивает и медленно поворачивается к выходу, бросая на прощание. — Держись, Алис.

Дверь закрывается. Тишина снова давит на уши. И почему я не могу быть такой же решительной в собственной жизни? Или могу? Решено. Беру телефон, пролистываю контакты в поисках номера юриста. И в этот момент экран вспыхивает другим уведомлением. Не смс, а официальное уведомление.

Пальцы немеют.

“Подано заявление о расторжении брака. Требуется ваше подтверждение”.

Сердце совершает один резкий, болезненный толчок, замирает, а затем принимается биться где-то в горле, учащенно и громко. Надо же. Какая прыть. Всего день. Один день, и Марк уже оформил все, вычеркнул меня из своей жизни с казенной эффективностью.

Ярость, острая и ослепляющая, поднимается по пищеводу горьким комом. Он не просто ушел. Он пнул меня на прощание, убегая. Не раздумывая, с силой тычу пальцем в синюю кнопку “Подтвердить”. Пусть он получит свой развод. Пусть все наше прошлое горит синим пламенем.

Едва палец отрывается от экрана, телефон вибрирует с новой силой. Сообщение. От него.

“Значит, ты ждала этого дня? Быстро ты все подтвердила”.

Текст пылает на экране, и, мне кажется, я чувствую исходящее от него самодовольство. Щеки пылают. Он сделал это специально. Выставил меня отчаявшейся женой, которая с нетерпением ждала свободы.

“Только взяла телефон в руки, чтобы сделать это первой и не оттягивать неизбежное. Ты опередил. Поздравляю, теперь тебе открыты все дороги и пути. Смотри, не умри от счастья и переизбытка любви”, — печатаю я и пальцы дрожат от злости.

Ответ прилетает почти мгновенно, будто он сидел, уставившись в экран в ожидании.

“Не язви. Ты же знаешь, что все дело в обстоятельствах”.

Обстоятельства. Это слово выводит меня из себя оконча-

тельно. Оно такое... безликое. Оправдывающее.

“Знаю. В пышном белом платье и с грудью третьего размера. Прекрати мне писать,” — бью я по экрану.

Он не прекращает. Точки набора загораются снова. Я пишу на опережение.

“Я знаю, что тебе трудно побороть свою любовь к сообщениям, но ты уж постарайся. Или перенаправь ее в другое русло. Номерок подсказать?”

Отправляю это и швыряю телефон на стол. Он отскакивает и падает на пол с глухим стуком. Блин. Поднимаю. На экране все так же горят три точки. Он все еще печатает. Долго. Видимо, решил настрочить целую поэму с оправданиями. Я уже теряю интерес, возвращаюсь к отчету, пытаюсь вникнуть в строки о конверсии, как телефон снова вибрирует в руке.

Новое сообщение.

“Алиса, я знаю, что виноват. И прекрасно понимаю, что слова ничего не стоят. Поэтому после развода готов отдать тебе нашу квартиру. Полностью. Ничего делить не будем. Считай это... попыткой загладить вину”.

Я читаю эти строки раз, потом второй. И меня накрывает волной такого омерзения, что перехватывает дыхание. Он говорит о любви к другой женщине, о том, что разбил нашу жизнь, а теперь, чтобы “загладить вину”, сует мне деньги. Вернее, квадратные метры. Чтобы откупиться. Очистить свою совесть, как чековую книжку.

Пальцы летают по экрану.

“Я не нуждаюсь в твоих подачках”.

Пауза. Печатаю снова, разъяренная его “щедростью”.

“Все будет поделено по закону. Мне принадлежит половина имущества, и больше мне ничего не нужно. Ни от тебя, ни от кого бы то ни было”.

Его ответ приходит быстро, настойчиво.

“Я искренен, Лис. Я хочу искупить вину”.

Смотрю на слово “искупить”. Оно такое пафосное, нерепальное. И оно оскверняет все, что между нами было. Делает наши семь лет товаром, который можно оценить в рыночной стоимости квартиры.

Горло сжимается. Глаза наполняются предательскими слезами, но я сжимаю веки, заставляя их уйти. Нет.

“Обойдусь”, — отправляю я последнее сообщение и ставлю телефон на беззвучный режим.

— Я справлюсь сама, — повторяю я про себя, закусывая губу до крови. — Обойдусь, даже если это убьет меня.

Откидываюсь на спинку кресла и смотрю в окно на безоблачное небо. У меня есть гордость. Та самая, глупая, негибкая гордость, которая не позволит мне принять его подачку. Чтобы он и его Оля не смотрели на меня свысока. Чтобы они не пришли однажды с претензиями, что я им чем-то обязана. Чтобы я сама могла смотреть себе в глаза.

Глава 11

Алиса

Дверь закрывается с тихим, но оглушительным щелчком. Я прислоняюсь к ней спиной, закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Тишина. Та самая, громкая и беспощадная. Рабочий день был щитом, но здесь, в этих стенах, щит бесполезен.

Откладываю сумку и иду в спальню. Прямо к шкафу. Цель ясна, дело знакомо. Собрать остатки его вещей. Проклятые галстуки.

Он их обожал. Считал не аксессуаром, а статусом. Я могла часами выбирать один-единственный, проводя пальцами по шелку, представляя, как он будет выглядеть на нем. Каждый был маленьким признанием в любви, вложенным в узор и ткань, но сейчас все иначе.

Сначала я действую методично, почти отстраненно. Достāju коробки. Аккуратно складываю один, второй. Закрываю коробку. Третий, четвертый... Руки помнят каждое движение. Это успокаивает. Пока я занята процессом, мне не нужно думать.

Но потом взгляд падает на тот, в мелкий бордовый горох, как и платок в его кармане в день свадьбы Оли. Комплект. Я долго думала, стоит ли брать их в паре, и в итоге взяла. Я купила его на годовщину. Он сказал:

“Ты всегда угадываешь с подарками”.

Ложь. Все было ложью.

И тут что-то щелкает внутри. Спокойствие, как хрупкое стекло, разбивается.

Я сгребаю все оставшиеся галстуки с полки, не глядя, не складывая. Шелк мнется, дорогая ткань бессильно свисает из кулаков. Я запихиваю их в старый пакет из супермаркета, тот самый, в котором когда-то носила продукты для нашего ужина. Жест грубый, резкий. Пакет надувается, как уродливый шар.

И меня накрывает.

Ноги подкашиваются, и я опускаюсь на пол. Пакет с галстуками падает рядом.

— Предатель, — вырывается у меня шепотом. — Как же подлю...

За что он так со мной? За что я так боролась? Зачем пыталась угодить ему все эти семь лет? Зачем сглаживала острые углы во всех ссорах? Зачем я запоминала его вкусы, училась завязывать идеальный узел, радовалась, когда он одобритительно кивал? Я вкладывала душу в эти чертовы полоски ткани, а он в это время... в это время...

Боль, которую я так старательно запирала, вырывается наружу. Она душит, рвет изнутри. Это не просто слезы, это рыдания, выворачивающие наизнанку.

Тело трясет, по лицу текут горячие, соленые потоки, я поддаюсь и не могу остановиться. В горле ком, мешающий дышать.

— Я же любила тебя, — хриплю я в пустоту, сжимая кулаки. — Я верила... Верила в нас. А ты... ты просто остыл. Как чай. Как будто я ничего для тебя не значила.

И это самое страшное. Не измена, а обесценивание. Оказаться всего лишь “надежной гаванью”, скучной пристанью, пока он мечтает об урагане.

Не знаю, сколько проходит времени. Но слезы иссякают. Остается пустота и странная, леденящая ясность. Уже спокойно я поднимаюсь с пола. Ноги ватные, но держат. Подхожу к зеркалу. Лицо распухшее, глаза заплавленные, тушь размазана до висков. Жалкое зрелище.

— Хватит, — говорю я своему отражению. Голос хриплый, но твердый. — Хватит жалеть себя. Поплакали, а теперь пора брать себя в руки.

Я стираю следы слез тыльной стороной ладони. Одним резким движением. Вытираю нос. Беру пакет.

Выхожу в подъезд и, без колебаний, оставляю его рядом с дверью.

Возвращаюсь в квартиру. Дышу тяжело. Взгляд падает на бар. На открытую, недопитую бутылку красного вина. Мы открыли ее две недели назад. Я устроила романтический ужин. Готовила его любимые блюда, зажгла свечи. Он улыбался, говорил комплименты... а у него в голове уже был план, как уйти. Пока я пыталась разжечь огонь, он уже остыл. Окончательно.

К горлу снова подкатывает ком. Я отворачиваюсь.

На столе звонит телефон. Лена. Я смотрю на ее имя и не хочу брать. Не хочу слышать ее сочувственный голос, не хочу, чтобы кто-то видел эту дыру внутри меня. Но рука сама тянется к телефону, как утопающий к соломинке. Боль ищет выход.

— Алло, — мой голос похож на хриплое подобие меня самой.

— Ага, значит, ты все-таки решила там раскиснуть? — в трубке нет ни капли жалости. Ее голос резкий, бодрый, почти сердитый. — Ну, все, хватит. Собирайся. Встречаемся через час в “Гавани”. Адрес скинуть или сама вспомнишь?

“Гавань” — наш спасительный клуб, куда мы ходили, когда хотели спокойно поговорить или обсудить чью-то проблему. Там мы всегда поддерживали друг друга еще до того, как стали замужними. До того, как нас поглотила эта ложь.

— Я помню, где он, но, Лен, не думаю, что сейчас это лучшая идея...

— Алиса, теперь послушай меня, — она обрывает меня. — Собирайся и приезжай. Не хочу ничего слышать. Мне есть что с тобой обсудить.

— Это с чего вдруг? — я узнаю этот тон. — Протрезвела что ли? Опомнилась? Не сказать, что на свадьбе тебе было до меня.

— Тут соглашусь, каюсь и сожалею. Я была не в самом адекватном состоянии, но теперь я протрезвела и обалдела! — парирует она. — Мало того, что новости уже облетели

все ленты, так я и половины не помню! А Оля молчит, как партизан. Так что мне нужно все узнать из первых уст, так сказать. Без цензуры.

— Лен, там нечего рассказывать, просто..., — голос снова предательски дрожит.

— Вот просто приедешь и расскажешь, что “нечего сказать”. Давай. Собирайся и вперед.

— Ладно. Только давай в зал, где не курят, или в отдельную комнату. Не хочу пытаться перекричать музыку, — соглашаюсь я, потому что у меня нет сил с ней спорить. Да и, наверное, она права. Мне нужно с кем-то поделиться, пока все внутри меня не рухнуло окончательно.

— Договорились. С меня место, а с тебя выглядеть потрясающе. И никаких слез!

Она скидывает. Тишина квартиры снова обволакивает меня, но теперь в ней есть цель. Я подхожу к зеркалу. Из него на меня смотрит панда с потекшей тушью и синяками под глазами. Жалко и беспомощно.

“Никаких слез”.

Я открываю косметичку, достаю мицеллярную воду и ватный диск. Стираю с лица следы боли. А затем возвращаю себе прежний вид. Тушь, тональный крем, пудра, румяна... Я наношу макияж, как доспехи. Каждый штрих — это заклепка на броне. Ровная подводка — вызов. Яркая помада — знамя.

Через двадцать минут в зеркале уже не убитая горем пан-

да, а холодная, собранная женщина с безупречным макияжем и пустым взглядом. Идеальная маска.

Я беру сумку и выхожу из квартиры. Предстоящий вечер кажется полем боя. Но, по крайней мере, я снова в строю.

Глава 12

Алиса

Я приезжаю в клуб. Грохочущий ад, в который я почему-то согласилась спуститься. Музыка бьет по барабанным перепонкам, низкий бас отзывается вибрацией в грудной клетке. Я иду по краю танцпола, как по минному полю.

Каждый второй норовит плеснуть на меня липким коктейлем, толкнуть локтем или... раздеть взглядом. Взгляд того мужчины у стены, похожего на разъяренного бабуина, скользит по мне с ног до головы, и по спине бегут мурашки. Зачем я вообще сюда пришла?

Взглядом мечусь по темному залу, выискивая табличку с номером третьей випки. Если Лена не соврала, она должна быть там. Первая, пятая... Кто вообще так нумерует? Наконец, нахожу нужную дверь и, не стучась, распахиваю ее, чтобы как можно скорее спрятаться от этого шума.

И замираю.

На кожаном диване, развалившись, как царь, сидит мужчина. Возле него на коленях стоит девушка. Ее голова уткнулась в промежность парня, который, запрокинув голову, блаженно закатывает глаза.

И они... они заняты делом, не оставляющим сомнений в их намерениях.

— Боже! — вырывается у меня, и я с силой захлопываю

дверь, напоследок крикнув в щель. — Вас что не учили закрывать двери?!

Слышу, как изнутри щелкает замок. Сердце колотится.

Достаю телефон и печатаю Лене сообщение, едва попадая по клавишам:

“И куда ты меня отправила? В третьей точно не ты, и они точно не пускают слезу по моему грядущему разводу”.

Звонить бесполезно, все равно ничего не услышишь.

Ответ приходит мгновенно:

“Прости! Нам заменили випку на шестую. Кажется, я забыла тебе сказать”.

Кажется. Конечно.

Нахожу шестую комнату. На этот раз стучу.

Дверь открывается мгновенно. На пороге Лена.

— Ты чего стучишь? — удивленно поднимает она бровь.

— Спасибо, хватило одного зрелища, — фыркаю я, проходя внутрь. — Мне не двадцать, чтобы спокойно реагировать на нечто подобное.

— И что такого ты увидела? — она смеется, прекрасно понимая, о чем я.

— То, чего не хотела.

Она закрывает за нами дверь и становится намного тише. Здесь слышна только приглушенная музыка из зала и тихий гул вентиляции.

На столе красуется целый арсенал алкоголя на любой вкус. Я смотрю на Лену с укором, но она лишь беззаботно пожи-

мает плечами: мол, сама не знаю, как так вышло.

В этот момент дверь снова распахивается, и внутрь влетают запыхавшиеся Катя и Аня.

— То есть их ты не забыла предупредить о смене випки?
— поднимаю я бровь.

— Прости, так вышло! — отмахивается Лена и тут же переходит к главному. — Давай лучше Расскажи, что там произошло. Оля после твоего ухода чуть в обморок не рухнула. Они с Артемом еще несколько часов не разговаривали. Она, как привидение, ходила. Что это вообще было? Там, кажется, никто ничего не понял и все списали на..., — она виновато опускает глаза.

— На то, что я перепила. Не так ли?

— Типа того.

— И чем все закончилось? — спрашиваю я, и во рту появляется странный, горьковатый привкус. Меня слегка радует, что мои слова все же не пролетели мимо ушей Артема и он задумался. Хоть немного, но я отомстила Оле за то, что они делали за моей спиной.

— Да вроде ничем особо. Со временем они отошли, и все вернулось в свое русло, но напряжение все равно ощущалось, несмотря на то, что все старательно делали вид, что все хорошо.

— Ну и хорошо, — отвечаю, глядя куда-то перед собой.

— Лис, так что было-то по итогу? — три пары глаз смотрят на меня в ожидании.

— А что вы хотите услышать, кроме того, что я уже сказала на ее свадьбе?

— Честно? То, что ты сказала, не очень хорошо помнится, — признается Катя. — И если бы не новости, мы бы вообще были как в дремучем лесу.

Закатываю глаза от их честности, но это все равно лучше, чем очередная ложь. Делаю глубокий вдох.

— Мы с мужем разводимся.

— Что?! — выкрикивают они в один голос. — У вас же такая любовь! Да он же любит тебя, как умалишенный!

— Я тоже так думала, — голос срывается, и я с силой выдыхаю. — Но оказалось, что кроме меня он любит еще и Олю. Точнее, меня он уже не любит, а вот ее очень даже. А я, дрянь такая, мешаю их великому счастью.

Девочки откидываются на спинки диванов, их лица вытягиваются от изумления, шока и полного непонимания. Лена отходит первой.

— Лис, слушай, я не знаю, как так вышло, но... может, он просто запутался? Не знаю... Кризис среднего возраста, моча в голову ударила, ну или...

— Да-да-да, давай еще придумаем ему кучу оправданий! — обрываю я ее, и в моем голосе звенит сталь. — Я не знаю, что с ним не так. Просто он просит время, и чтобы меня не держать, он решил, что развод идеально ему подходит.

— А ты? — тихо спрашивает Аня. — Ты готова развестись?

Я замолкаю. Потому что не готова. Потому что слишком больно. Потому что я понимаю, что вся моя дерзость в последнее время — это лишь защитная реакция, чтобы не сломаться окончательно.

— Мы, наверное... сходим за закусками, — шепчут Катя с Аней и тихо удаляются, оставив меня наедине с Леной.

Та подходит ближе, обнимает меня за плечи. И я чувствую, как предательские слезы снова подступают к глазам, сдавливая горло.

— Лис, подумай. Ты достойна если не лучшего, то точно не худшего. И то, что он сейчас сделал... Я не оправдываю его, но иногда лучше отпустить. Со временем все наладится. Я уверена.

— А я и не держу его, — мой голос срывается, выдавая все мое волнение и наконец-то вырвавшиеся наружу искренние эмоции. — Просто... это было так неожиданно. Я даже подумать не могла, что все закончится вот так.

— Лис, может, все к лучшему? — Лена сжимает мое плечо. — Ты же у нас и так успешная. У тебя и дело свое, и характер стальной. Да ты уже настолько закалилась, что тебя не сломать. Пусть он валит. Я больше чем уверена, что он еще приползет к тебе. У него просто шестеренки в голове заклинило.

— Знаю я, где у него заклинило, — пытаюсь улыбнуться сквозь боль.

— Ну тут мне кажется, и к гадалке не ходи, — Лена сме-

ется, и мне становится немного легче. — Там у многих клинит с возрастом, только вот они не понимают, что погоня за “прекрасным”, часто выходит им боком. И то, что они считали “любовью”, на самом деле просто пыль в глаза.

Я смотрю на Лену, на ее знакомое, решительное лицо, и мне становится легче. Не от ее слов, а от того, что я, наконец-то, поделилась с ней своей болью вслух. Выплеснула все, что разъедало меня изнутри. И теперь, с этой пустотой внутри, я готова сделать следующий шаг. Двигаться дальше. Пусть и через силу.

Глава 13

Алиса

Работа. В настоящее время она — моя спасательная шлюпка, в которую я сбежала с тонущего корабля своей прежней жизни. Уже прошел почти месяц. Месяц, за который я научилась засыпать без слез и просыпаться без острой боли в груди. Но иногда, в тишине, пробираются мысли. Слова Ленки в клубе:

“Он еще приползет”.

А надо ли оно мне будет? Потом. Когда он наконец-то осознает, что погнался за красивой оберткой.

Откладываю ручку, которой только что подписала очередное соглашение. Откидываюсь на спинку кресла, прикрываю глаза.

Любовь... Интересно она лечится временем? Сомнительно.

Скорее всего, она лечится работой. Новыми проектами, срочными дедлайнами, звонками клиентов. Стоит только погрузиться с головой, как память стирается. Правда, потом она возвращается, но уже не такая острая. Как старый шрам, который ноет к непогоде, но уже не кровоточит.

Телефон на столе вибрирует, отрывая от раздумий Сообщение. От него.

“18 ноября в 10:00 ЗАГС по нашей прописке. Улица Са-

довая, 15”.

Такие простые, будничные слова. Внутри все резко замирает, а потом сердце принимается колотиться, как бешеное, пытаюсь выпрыгнуть из груди. Развод. Все же он состоится. Не в кино, не в чужих историях, а в моей жизни. Завтра.

Пальцы сами находят номер в записной книжке. “Елена Петровна, адвокат”. Та самая, которую я нашла в промежутке между работой, тоской и яростным желанием доказать всему миру и в первую очередь самой себе, что я не сломалась.

— Алло, Елена Петровна, здравствуйте, это Алиса, — говорю я, и голос звучит на удивление ровно.

— Алиса, добрый день. Я как раз собиралась вам звонить. Вы получили уведомление?

— Если сообщение от мужа можно считать уведомлением, то да.

— Хорошо. Все по плану. Вы помните, какие документы мы готовили?

Я автоматически открываю верхний ящик стола, где лежит плотная синяя папка.

— Паспорт, свидетельство о браке, копии финансовых документов по разделу, справки о доходах... Все, как мы договорились.

— Отлично. Тогда в указанный день к 9:40 будьте на месте. Не опаздывайте. Вопросов по бракоразводному процессу нет? Брачный договор?

— Вопросов нет, — выдыхаю я. — Брачный договор...

Мы его подписывали в шутку, на второй год брака, после того, как мой бизнес пошел в гору. “На всякий пожарный”, смеялся тогда он. Ирония судьбы, но хотя бы здесь нам не придется ничего делить. Я вложила в свое дело всю себя, и отдать ему половину того, к чему он не прикасался, было бы слишком жестоко.

— Все в порядке с ним. Не переживайте. Он тоже в папке.

— Хорошо. Свидетельство о расторжении брака будет готово, примерно через месяц после развода. Иногда раньше. Заберете его в ЗАГСе.

— Поняла, — говорю я, и в горле пересыхает. Через месяц я официально стану чужой ему женщиной. — А... сам процесс? Что там будет происходить?

— Все очень быстро. Вам зададут несколько вопросов. Спросят, действительно ли вы готовы к разводу. Не передумали ли. Ничего такого, из-за чего стоит переживать. Вам нужно будет просто отвечать “да” или “нет”. Главное — сохранять спокойствие.

Спокойствие. Да, конечно.

— Спасибо, Елена Петровна..

— Всегда рада помочь, Алиса. И не волнуйтесь. Все будет хорошо.

Кладу телефон на стол. Все будет хорошо. Пустые, дежурные слова, которые должны вселять надежду. Но сейчас они звучат как приговор.

Мой взгляд падает на единственную рамку, стоящую на столе. Наше свадебное фото. Мы смеемся, я в белом, он смотрит на меня так, словно я его единственный смысл жизни. Мы выглядим такими счастливыми, такими... наивными.

Я беру рамку в руки. Стекло холодное. Я смотрю на наши улыбки, на его руку, лежащую на моей талии. Все это было. И все это сейчас ложь. Или нет? Может, тогда это и была правда? Уже неважно.

Без сомнений, без дрожи в руках, я открываю нижнюю дверцу стола, где стоит маленькая металлическая урна для мусора. Одним движением отправляю фотографию внутрь. Стекло ударяется о стены урны издает негромкий, стеклянный звон.

Наступает тишина. На столе теперь пусто. И в моей груди тоже. Пустота, которую предстоит чем-то заполнить. Но это уже завтра. А сегодня есть работа.

Глава 14

Алиса

Утро в день твоего развода выглядит как что-то удручающее. Я собираюсь механически: душ, костюм, макияж. Внутри нет той острой, режущей боли, что была месяц назад. Есть что-то другое. Тяжелый, холодный ком, неприятно скребущий изнутри. Ощущение, что идешь на собственную казнь, но уже смирившись с приговором.

Такси подъезжает к знакомому зданию ЗАГСа. Тот самый, где я выходила замуж семь лет назад. Тогда я летела сюда на крыльях любви, в платье, которое казалось воплощением счастья. Он ждал меня на ступеньках, улыбка до ушей, в глазах безумие и обожание. Мы были так уверены, что это навсегда. Что наши чувства — нерушимая крепость.

А сегодня я иду, чтобы поставить точку в том, что между нами было. Семь лет. Это ведь даже не пятнадцать, не двадцать, когда, как говорят, люди устают друг от друга. Это капля в море. И эту каплю сейчас высушат по бюрократическим правилам.

Переступаю порог. Холодный кафель, официальная тишина. В воздухе пахнет тем же, чем и тогда, надеждой и цветами. Только теперь для меня здесь пахнет крахом. Крахом семьи.

Я захожу в нужный кабинет. Он уже там. Сидит на стуле

у стены, смотрит в окно. Пара секунд и он оборачивается на мои шаги. Смотрит на меня и его взгляд... в нем нет ненависти. В нем какое-то усталое сожаление. И от этого внутри все сжимается еще сильнее.

За столом восседает женщина лет пятидесяти с добрым, но профессионально-бесстрастным лицом.

— Алиса Викторовна? — киваю. — Садитесь, пожалуйста, — указывает она на свободный стул напротив.

Я сажусь рядом с Марком. Мы так близко, но бесконечно далеко друг от друга.

— Думаю, не стоит напоминать вам причину вашего визита, — посмеивается она, и я понимаю, что это профессиональный юмор, только вот не всегда люди разводятся, потому что “остыли” оба, и сейчас ее шутки кажутся крайне неуместными. — Ладно, шутки в сторону. Напомните, у вас же совместное заявление о расторжении брака?

— Да, — мы говорим почти хором, и этот жалкий дуэт режет слух.

Она берет наши паспорта, заявление, и начинает заполнять документы. Скрежет ручки по бумаге кажется оглушительным.

— Подтверждаете взаимное согласие на расторжение брака? — задает она стандартный вопрос, глядя то на него, то на меня.

— Да, — снова хором.

— Взаимных претензий имущественного и неимуще-

ственного характера не имеете?

— Нет, — она кивает, ставит печать. Звук глухой, окончательный. — Брак между вами можно считать расторгнутым. Свидетельство о расторжении брака сможете получить через несколько дней. Прошу прощения, но сейчас у нас некоторые проблемы с их печатью. Поэтому придется немного подождать. Я вам позвоню и сообщу, когда все будет готово. Вы же не возражаете?

Мы согласно киваем не вникая в их “проблемы”. Что изменят наши возражения? Ничего. Абсолютно.

Все. Три минуты и семь лет жизни превратились в архивную запись.

Мы молча выходим из кабинета, из здания. Останавливаемся на улице. Стоим на тех же ступеньках, где когда-то целовались под дождем из риса. Но теперь между нами пропасть.

— Ну..., — начинает Марк и сразу замолкает. По всей видимости ему нечего сказать.

Я киваю, не глядя на него, и делаю шаг в противоположную сторону. Я не знаю, что ему сказать. Я даже никогда не думала, что окажусь в этой ситуации, а сейчас стою здесь и все выглядит так глупо и нелепо.

— Алиса! — Марк окликает меня через несколько секунд, когда я уже отхожу от здания ЗАГСа.

Я оборачиваюсь. И против воли, глупо, даже по-идиотски, в груди вспыхивает крошечная, жалкая надежда. Может...

Может, он одумался? Сейчас подбежит, попросит прощения...

Он подходит ближе. Его лицо серьезное.

— Алиса, подумай еще раз по поводу квартиры. Я не хочу заниматься этой дележкой. Оставайся в ней. Я найду, где мне жить.

Надежда гаснет, смытая волной горького разочарования. Наш брак рухнул, а он думает о квадратных метрах.

— А чего искать? — язвлю я, чтобы голос не дрожал. — Ты иди сразу к Оле. Думаю, Артем будет рад новому соседу.

— Алис, не надо так, — он хмурится. — Я же сказал, что еще ничего не понятно...

— А тут и нечего понимать, — голос срывается, и я ненавижу себя за эту слабость. — Раз уж ты начал рвать нашу жизнь, нас, нашу любовь, так рви до конца. Чтобы каждый мог начать жить своей жизнью.

Я резко разворачиваюсь, чтобы он не увидел предательскую влагу в моих глазах.

— Алиса, — его голос звучит сзади, тихо, но четко. — Я не забыл то что между нами было и никогда не забуду. Я все еще люблю тебя.

Слова обжигают спину. Я не оборачиваюсь. Делаю шаг, потом другой, ускоряюсь. Смахиваю с ресниц одну-единственную, вырвавшуюся вопреки всему слезу. И ухожу. Чтобы стать сильнее. Потому что другого выбора у меня просто нет.

Глава 15

Алиса

Через утомительные два часа по всем пробкам, я оказываюсь у своего адвоката. В ее кабинете пахнет дорогим кофе и старой бумагой. Елена Петровна уже подготовилась к нашей встрече и разложила на стеклянном столе разные папки.

— Алиса, присаживайтесь, пожалуйста. Как все прошло? Не возникло трудностей?

— Нет. Оказалось, что создавать семью куда сложнее, чем рушить.

— Ох, тут вы правы. Разрушить можно все всего за пару месяцев, а то и за пару минут, но вот построить... иногда не хватает и двадцати лет. Но давайте не будем о грустном.

— Согласна. Так что вы мне можете предложить?

— Смотрите, есть несколько вариантов раздела имущества, — Елена Петровна откашливается. — Через суд и полюбовно. Если мы посмотрим варианты с согласием обеих сторон, то первый: вы продаете квартиру и делите вырученную сумму пополам. Второй: один из вас выкупает долю другого. Третий: заключаете нотариальное соглашение о разделе, где прописываете все условия. Это быстрее и проще, если договориться. Если через суд, то вы сами понимаете, что это время, деньги, бумаги.

Я смотрю на замысловатые узоры на ковре. Договориться.

Вот так просто. У нас была семья, а сейчас нет ничего кроме квадратных метров.

— Через нотариуса, — говорю я ровно. — Если это правда, быстрее. Я не хочу растягивать все на несколько лет.

— Хорошо. Но имейте в виду, ваш супруг... бывший супруг, — исправляется она, — должен будет добровольно подписать все документы. Он может отказаться.

— Сомневаюсь. Он хотел оставить квартиру мне целиком.

— Тогда, может, стоит рассмотреть этот вариант? — адвокат пристально смотрит на меня. — Это избавит вас от лишних финансовых трат.

— Нет, — мое слово звучит резко, как удар. — Я не хочу потом быть той, кого считают, что живет за его счет. Пусть это будет... глупо. Но так будет честнее. Для меня.

Она слегка вздыхает, но кивает. Затем включает ноутбук. Ее пальцы быстро стучат по клавиатуре. Она готовит документы прямо при мне, а затем отправляет их на почту для предварительного ознакомления.

— Вы уверены, что справитесь? — снова спрашивает она, закрывая крышку ноутбука.

— Да, — мой голос не дрожит. — Когда можно все сделать и уже закончить с этим?

— Я могу договориться с нотариусом. Если у вас и у вашего... мужа есть время.

— Бывшего мужа, — теперь я исправляю ее, и слова режут мне губы.

— Простите. Узнайте, пожалуйста, у него.

Руки не дрожат, когда я набираю сообщение. Звонить ему... слышать его голос — выше моих сил.

“Можно назначить встречу у нотариуса. Для подписания соглашения о разделе имущества, чтобы не обращаться в суд. Нужно твое присутствие”.

Он отвечает почти мгновенно.

“В любое время. Выбирай, когда тебе удобно. Я подстроюсь”.

Я смотрю на эти слова, и что-то осторожное и хрупкое в груди сжимается. Он создал мне столько проблем, а теперь предлагает “подстроиться”.

— Ближайшее время? — спрашиваю я у Елены Петровны.

— Через три часа. Устроит?

— Да, — отвечаю и тут же отправляю сообщение Марку.

— Я отправлю вам адрес, и Алиса..., — адвокат смотрит на меня с нескрываемым беспокойством. — Подумайте еще раз. Вас же никто ни к чему не обязывает. Это ваше право. Вы можете оставить себе квартиру как компенсацию морального вреда.

— Я знаю. Но я докажу, что встану на ноги без его помощи. Чтобы мне потом никто не мог сказать, что он вкалывал на эту квартиру, а я ее отняла. Я встану. И тогда никто ничего мне не скажет.

Через три часа я стою у дверей нотариальной конторы. Он уже здесь. Прислонился к стене, смотрит в телефон. Подни-

мает голову на мои приближающиеся шаги. На его лице появляется тень улыбки.

— Не ожидал увидеть тебя так скоро, — говорит он. Голос тихий, почти нежный. — Может, все и вправду было не зря. Мы стали встречаться чаще, — улыбка расплывается по его лицу.

Мне хочется закричать. Ему хорошо? Пока я медленно умираю от боли, ему весело? Или это просто маска, за которой он прячет то же опустошение, что и я?

— Давай уже закончим с этим, — бросаю я, проходя мимо, и направляюсь к двери.

Он делает шаг за мной, и его пальцы слегка касаются моего запястья.

Прикосновение обжигает, как удар током. Все тело пронзает знакомый, родной разряд, и от этого становится еще более ненавистно. Я резко выдергиваю руку. Я только начала забывать, какими на ощупь были его пальцы. Только чуть-чуть пришла в себя.

— Прости, — слышу я его шепот. — Рефлекс.

— Прибереги свои рефлексы для кого-нибудь другого. Но не для меня. Тем более после того, как ты касался ее.

— Алис, я же говорил, что у нас с ней ничего не было.

— Флирт — это тоже предательство, — говорю я, глядя ему прямо в глаза. — Даже если ты пока с ней не спал, ты уже предал меня, когда посмотрел на нее как на женщину. Когда обнял ее. Когда делал ей комплименты. Поэтому давай

не будем говорить о том, что вы “не спали”. Это не имеет значения.

Я открываю дверь и захожу внутрь.

Процедура занимает минут двадцать. Мы сидим рядом, подписывая бумаги. Нотариус что-то бубнит стандартным, безразличным голосом. Я ставлю подписи. Он делает то же самое.

Мы выходим на улицу. Все кончено. По документам, квартира теперь полностью моя. Но с одним условием: я обязана выплатить ему половину ее первоначальной стоимости. Той суммы, за которую мы купили ее семь лет назад. Несмотря на то, что с тех пор ее цена выросла втрое. Это было единственное, на что я согласилась, когда он в очередной раз попытался настаивать на том, чтобы она полностью принадлежала мне.

— Лис, я знаю, что сейчас в тебе говорит обида и гордость, но хочу, чтобы ты знала. Сумма, которую ты собираешься перевести за квартиру на мой счет... я оставляю ее на сберегательном счету на твоё имя. Ты можешь ее не трогать, можешь потратить, но я хочу, чтобы ты знала. Квартира принадлежит тебе. Я не возьму с тебя за нее ни копейки. Ты этого заслужила. Я виновник того, что случилось, и я не хочу, чтобы ты страдала.

Я ничего не говорю. Мне просто нечего сказать. Да, он прав. Во мне говорит гордость, и я пока не знаю, как поступить правильно, но решаю не спорить. Я молча киваю, и

оставляю его на ступенях нотариальной конторы.

Теперь у меня есть квартира. И разрушенная жизнь.

Глава 16

Алиса

Со всей этой беготней я даже не замечаю, как улечувачивается время. Я собираюсь пойти на работу как бросаю взгляд на часы и замираю. Без четверти шесть. Ехать на работу уже нет смысла. Достая телефон, набираю номер офиса.

— Катъ, привет, это я, — говорю, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Как там у вас? Что с “Весной”? Нет новых недовольств?

— Нет. На удивление, они приняли новый проект без единого замечания.

— Может, что-то еще? Моя подпись или какое-то согласование?

— Нет. Ты будешь нужна примерно через пару дней. Там должны отправить на согласование новый заказ. А почему ты спрашиваешь?

— Я сегодня не приеду. Хорошо? Устала так, что валюсь с ног.

— Алиса? Все в порядке? — ее голос тут же наполняется тревогой.

— Да, просто... официальные дела. Развод — дело нелегкое, но у меня все хорошо, я справлюсь. Не волнуйтесь.

— Ты, если что, звони! В любое время! — слышу я на фоне голос Светы. — Мы тут за тебя бодем!

— Хорошо, — улыбаюсь я в трубку, и это настолько странное чувство знать, что ты не один. — Спасибо.

Вешаю трубку. Силы не сдаваться прибавилось. Нужно просто двигаться. Но куда? Желудок предательски напоминает о себе урчанием. У меня во рту с утра не было ни крошки. Нужно это срочно исправлять. Решаю зайти в первое попавшееся кафе по пути.

Заказываю капучино и сэндвич, оглядываюсь в поисках свободного столика. И замираю. У окна, с ноутбуком, сидит Артем.

Чувство стыда, острое и тошнотворное, сжимает желудок. Я разрушила его свадьбу. Пусть и не без причины, но все же я чувствую вину. Делаю глубокий вдох. Трусость здесь не поможет.

— Привет. Можно? — я подхожу к его столику с чашкой в руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.